«ОН СОЗДАЛ ИНСТИТУТ В НОВОМ
КАЧЕСТВЕ, ТО БЫЛО ЕГО ДЕТИЩЕ»:
О БОБОДЖАНЕ ГАФУРОВИЧЕ ГАФУРОВЕ,
ДИРЕКТОРЕ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
(1956–1977 гг.)

“HE CREATED THE INSTITUTE IN A NEW CAPACITY,
IT WAS HIS BRAINCHILD”:
ON BOBODZHAN G. GAFUROV, DIRECTOR OF THE INSTITUTE OF
ORIENTAL STUDIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES (1956–1977)

© 2021 **Александр Иванович Яковлев**

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Института востоковедения РАН; профессор: Православный
Свято-Тихоновский гуманитарный институт, факультет
мировой политики МГУ им. Ломоносова, Москва, Россия
aliv_yak@mail.ru; ORCID ID: 000-0001-7164-1321

Alexander I. Yakovlev

DSc (History), Principal Research Fellow, Institute of Oriental
Studies, RAS, Professor: St. Tikhon's Orthodox University,
School of World Politics, Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia; aliv_yak@mail.ru
ORCID ID: 000-0001-7164-1321

Статья посвящена памяти директора Института востоковедения Российской академии наук (РАН), академика Бободжана Гафуровича Гафурова (1956–1977 гг.), его работе и деятельности Института востоковедения в 1969–1970-е годы. Автор делится воспоминаниями о Бободжане Гафуровиче и о коллективе востоковедов тех лет, тем самым воссоздавая атмосферу будней Института в конце 60-х годов. Статья раскрывает не только профессионализм директора Института востоковедения и его вклад в развитие советского востоковедения, но и личность Б. Г. Гафурова — человека сильного и влиятельного, но при этом равнодушного и обладавшего отличным

чувством юмора. Бободжан Гафурович, доктор исторических наук и первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической Партии Таджикистана в 1946–1956 гг., был назначен на пост директора Института востоковедения РАН ввиду резко возросшей значимости Востока для партии и интереса Б. Г. Гафурова к научным исследованиям. Партийный деятель и ученый, Б. Г. Гафуров обладал дипломатическими способностями и глубоким пониманием специфики Востока. Внеся неоценимый вклад в сохранение востоковедения как важнейшей гуманитарной дисциплины, Гафуров поддерживал свободу научной дискуссии среди востоковедов, насколько это было в то время возможно.

Ключевые слова: Б. Г. Гафуров, Институт востоковедения РАН, Академия наук, М. В. Келдыш, история востоковедения, история науки

Для цитирования: Яковлев А. И. «Он создал Институт в новом качестве, то было его детище»: о Бободжане Гафуровиче Гафурове, директоре Института Востоковедения РАН (1956–1977 гг.). *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2021. № 3–4. С. 242–256. DOI 10.18254/S268684310018020-0

The article focuses on the memoir of the Director of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, academician Bobodzhan G. Gafurov (1956–1977), his work, and the activities of the Institute of Oriental Studies in 1969–1970s. The author shares his memories of Bobodzhan Gafurov and the orientologists' team of those years, thereby recreating the atmosphere of the Institute's everyday life at the end of the 60s. The article reveals not only the professionalism of the director of the Institute of Oriental Studies and his contribution to the development of Soviet Oriental studies but also the personality of B. G. Gafurov: an influential and at the same time not indifferent man with an excellent sense of humor. Bobodzhan Gafurov, Doctor of Historical Sciences and First Secretary of the Central Committee of the Communist Party of Tajikistan in 1946–1956, was appointed to the post of director of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences given the sharply increased importance of the East for the Party and his interest in scientific research. A party leader and scientist, Gafurov possessed diplomatic skills and a deep understanding of the specifics of the East. Having made an invaluable contribution to the preservation of oriental studies as a scientific discipline, Gafurov supported the freedom of scientific discussion among orientologists, as far as possible in his time.

Keywords: Bobodzhan G. Gafurov, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Sciences, Mstislav V. Keldysh, history of Oriental Studies, history of science

For citation: Alexander I. Yakovlev. He Created the Institute in a New Capacity, It Was His Brainchild": On Bobodzhan G. Gafurov, Director of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (1956–1977). *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2021. No. 3–4. Pp. 242–256. DOI 10.18254/S268684310018020-0

Спустя полвека после моего прихода в Институт востоковедения (ИВ) многое забылось, но что остается незабываемым — это память о директоре Института, академике Бободжане Гафуровиче Гафурове (*Илл. 1*).

Что рассказать о нем? Случилось так, что в июле 1967 года меня взяли на работу в Институт, а в сентябре перевели в дирекцию в качестве помощника заместителей директора Романа Тимофееви-

ча Ахрамовича и Вадима Михайловича Солнцева, и я, мальчишка, оказался рядом с Гафуровым. Без малого десять лет я приходил по утрам, стараясь не опаздывать, в Армянский переулок, дом 2. Гафурова видел каждый рабочий день, а иногда и в выходные дни, но то была обычная рабочая текучка: телефонные звонки, посетители, бумаги.

Случались примечательные события в жизни Института, а иногда мы разговаривали не о де-

Илл. 1. Бободжан Гафурович Гафуров, директор Института востоковедения РАН (1956–1977 гг.)

Из архива Института востоковедения РАН, Москва

лах... Иногда — потому что я естественно робел и не решался спросить о том, что казалось тогда интересным, например, о его встречах со Сталиным.

Сейчас я думаю, что правильнее рассказывать о Чифе, как я называл его за глаза, одновременно с рассказом об Институте. Бободжан Гафурович не был формальным директором. Он в самом деле создал Институт в новом качестве, то было его детище, и созданная им атмосфера патриархальной общности во многом определяла жизнь сотрудников.

Армянский переулок, дом 2

Армянский переулок был столь же интересной частью старой Москвы, как Пречистенка или Арбат. Там в середине XVIII в. поселился переехавший из Персии богатый и знатный армянин Л. Н. Лазарев, возведенный Екатериной II в дворянское звание. Предприимчивый Лазарев с братьями и сыновьями покупал подмосковные деревни и устраивал там фабрики. Семья разбогатела. И. Л. Лазарев завещал брату построить училище для детей бедных армян [*Институт востоковедения — прошлое и на-*

стоящее, 2018, с. 16–22]. Так, из идеи училища в 1815 году родился знаменитый **Лазаревский институт** (с 1848 г. — высшее учебное заведение Лазаревский институт восточных языков), для которого в 1817–1823 гг. было выстроено большое новое здание с двумя флигелями по проекту крепостных архитекторов Т. Г. Простаклова и И. М. Подъячева. Здание института, приподнятое высоким цоколем, эффектно поставлено в глубине двора, окаймленного со стороны переулка красивой оградой с монументальными воротами. Великолепный шестиколонный портик выразительно оформляет центр здания. В 1982 году в саду за домом был установлен обелиск в память братьев Лазаревых, а в 1915 — в связи со столетним юбилеем Лазаревского института он был перенесен и поставлен перед фасадом здания (*Илл. 2*).

Институт востоковедения прожил по адресу «Армянский переулок, дом 2» более двадцати лет — с середины 1953 до середины 1977 года. При этом весь левый флигель занимало Постоянное представительство Армянской ССР, а первый этаж правого флигеля — Издательство восточной литературы.

Илл. 2. Лазаревский институт (фото 1880–1914 гг.), вид на садовый фасад (фото 1933 г.) и обелиск в честь основателей Лазаревского института в саду усадьбы (фото 1911 г.)

По: <https://bogachkova1957.livejournal.com/44878.html> (accessed 12.11.2021)

Поднявшись по высокой лестнице и обогнув колонны, мы попадали в обширный холл. Справа располагался гардероб, где десятки лет работали всем знакомые гардеробщицы Ульяна Александровна и нестареющая Галя — свои люди, готовые и услужить, пришив оторвавшуюся пуговицу или подав вешалку, и утешить, и сказать, кто уже пришел. Слева находились канцелярия, где царила суровая и неприступная для простых сотрудников Екатерина Александровна, и Сектор международных связей с тихим и очень внимательным заведующим Виталием Терентьевичем Веселовым. Сюда обращались по необходимости: для приема иностранцев и любого контакта с ними (для этого требовалась санкция начальства). А дальше по коридору находилось замечательное место — буфет, открытый с полудня и до вечера, но особенно заполненный в середине дня. Напротив буфета — институтское машбюро, неизвестное нынешнему молодому поколению *машинписное бюро*, в котором шесть машинисток на пишущих машинках печатали и перепечатывали всю научную продукцию ИВ. Здесь всегда стоял стрекот машинок. Впрочем, машинистка работала в каждом отделе института.

Но если свернуть направо и пойти по узкому коридору, то налево были двери актового зала, роскошного зала, разделенного узкими колоннами на две части, где, наверное, ранее проходили замечательные балы и маскарады. За ним располагались ученый секретариат, партком и профком, куда часто заглядывали с вопросами о

путевках в санаторий или о готовящихся экскурсиях. Путевок и мест на экскурсии было мало, важно было не упустить момент. Направо была одна дверь — зал ученых советов с небольшим предбанником. Когда Гафуров стал директором, поначалу этот зал выполнял роль его кабинетов. Позднее заместитель директора по хозяйственной части, энергичный Аршак Христофорович Баратов выселил часть жильцов со второго этажа правого флигеля, и там были устроены достойный кабинет Гафурова, большая приемная и кабинеты двух заместителей директора.

В дирекции царил главный и единственный помощник Гафурова — **Иван Антонович Скрыль**. Среднего роста, с неприметным лицом и заметной лысиной, всегда в сером костюме с серой полоской галстука, неизменно в белой отглаженной рубашке, он одинаково сдержанно-приветливо встречал каждого, кто открывал дверь в дирекцию. Удивляло его твердое, едва ли не стальное рукопожатие. Для каждого он находил какие-то вопросы, рассказы, но одних сразу пропускал в заветную, обитую дерматином дверь, других — после высиживания, а третьих заставлял слушать себя и ласково провожал к выходу из приемной. Там я и проводил весь рабочий день.

На второй этаж вела узкая лестница, спускавшаяся и ниже, в подвал, где долго обитали несколько старых семей и постоянный комендант здания Борис Иванович, переживший в Институте все революции и войны. Оттуда наверх доносились запахи щей, жареных котлет или рыбы, и невольно тянуло в буфет.

На втором этаже налево от дирекции в закутке располагались касса, куда каждые две недели выстраивались длинные очереди сотрудников, а наискосок от дирекции находился **мемориальный кабинет академика Б. Г. Гордлевского**, уставленный высокими книжными шкафами, куда надо было спускаться на несколько ступенек. За кабинетами дирекции находились Отдел Юго-Восточной Азии, откуда постоянно доносились голоса: то обсуждали проблемы Индонезии, то молодые и веселые сотрудники отмечали чей-то день рождения или защиту диссертации. Рядом располагался сектор Технико-экономических исследований, где работали отставные военные во главе с генерал-майором Савченко. И дверь постоянно была на запоре. Далее просторно помещались библиотека с залом картотеки, двумя читальными залами и кабинетом заведующего Александра Исааковича Бендика.

Большая часть отделов находилась на третьем этаже (или втором этаже центральной части здания). Отдел кадров, а за ним по правую руку — Отдел арабских стран, Отдел литератур, Отдел языков. Чуть выше на несколько ступенек — читальный зал спецхрана, где после получения специального разрешения от заместителя директора сотрудники могли читать *Times*, *Newsweek* и некоторые книги на английском и иных языках, отмеченные цензурной «гайкой» — шестигранником, означающим помету «литература для специального хранения». Напротив читального зала располагались отделы Индии и Пакистана, отдел Японии, отдел аспирантуры с насмешливым Михаилом Павловичем Барановым, отдел информации, в котором заведующим был генерал-лейтенант в отставке, тихий и спокойный Артак Арменакович Вартанян, но рядом с ним шумел его заместитель, капитан первого ранга в отставке Николай Николаевич Мильграм. Рядом, в маленьком кабинете уместались заведующий Отделом международных проблем, большой и важный Григорий Львович Бондаревский и его заместитель, добрый старик Борис Моисеевич Данциг. Перед отделом поставили стол для настольного тенниса, пинг-понга, как

тогда говорили, и в обеденный перерыв здесь было шумно. Заядлым игроком был завкадрами Александр Иванович Кошкин, которому некоторые молодые сотрудники на всякий случай проигрывали. Да, еще там находились Отдел Среднего Востока, Отдел соцстран Азии и Сектор конъюнктуры, вскоре преобразованный в Отдел экономики.

Там мы работали в 1960–1970-е годы, там проходила наша жизнь в три присутственных для научных сотрудников дня, с 10.00 до 18.00. Правда, в 1967 году директор ввел начало рабочего дня с 9.00, чтобы дать побольше времени для личной жизни работников Института. Но это оказалось нарушением норм Моссовета, и спустя несколько месяцев нас вернули в прежний график.

«БОЛЬШОЙ ЧЕЛОВЕК»: ПАРТИЙНЫЙ ДЕЯТЕЛЬ, УЧЕНЫЙ, ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА

Понадобилось немало времени, для того чтобы я смог разобраться и понять характер и масштабы научной деятельности в Институте. Но с директором даже в мои 17 лет все было проще и яснее: он был *большой человек*.

Едва ли не в первые дни пребывания в дирекции мне на глаза попала фотография первой страницы газеты *Canberra Times* с большой статьей «Russian Spy in Canberra» и фотографией Гафурова. Там же приводилась информация о пресс-конференции, которую провел Гафуров в день своего прилета в Австралию. Он сказал, что «для шпиона я слишком большой человек. А для того чтобы создать за три дня компартию Австралии — слишком маленький». Вот тут-то я и понял, кто сидит за дверью с тамбуrom, и вызывает звонком Ивана Антоновича, в его отсутствие которого я входил в кабинет директора.

Кабинет был просторный и уютный. Налево, перед окнами — большой диван, у стены — высокий книжный шкаф, направо — письменный стол с приставным столиком и двумя мягкими креслами. Стол был всегда завален кипами бумаг, стопками книг, верстками статей. Бободжан Га-

Илл.3. Б. Г. Гафуров
на конференции
«Центральная Азия»
1972 г., Ашхабад

Из архива Института востоковедения РАН, Москва

фурувич, как правило, сидел за столом не в пиджаке, а в теплом пуловере, долго носил фиолетовую шерстяную кофту. Налево от него — всегда закрытый стенной шкаф, направо — покрытый зеленой материей столик с тремя телефонами, один из которых был «вертушкой», кремлевским телефоном АТС-1. В углу — громада коричневого сейфа. Что меня сначала удивило, в кабинете всегда было очень жарко, намного теплее, чем топили во всем здании. При этом директор всегда был в пиджаке, а чаще — в теплой кофте. Даже летом не разрешал проветривать. Я объяснил это любовью восточного человека к теплу, и лишь много позднее догадался о его болезни.

Довольно быстро я узнал то, что знали все. В 1956 году директором Института востоковедения АН СССР был назначен Бободжан Гафурович Гафуров, партийный деятель, занимавший пост первого секретаря ЦК КП Таджикистана в 1946–1956 гг., но при этом доктор исторических наук. В этом назначении совпало многое: резко возросшая с партийно-государственной точки зрения значимость Востока, энергия и научный багаж еще нестарого, 48-летнего Гафурова, проявленный им ранее интерес к научным исследованиям. Эти причины помогают понять, почему на пост руководителя крупного академического института был назначен партийный деятель, представитель одного из народов Средней Азии.

Само по себе наличие «вертушки» означало, что он входил в состав партийно-государственной элиты СССР; в телефонный справочник АТС-1 входило около 3 тыс. фамилий. Гафуров был награжден шестью высшими наградами СССР: орденами Ленина, Трудового красного знамени и Октябрьской революции. К слову, я лишь однажды видел его с наградами на пиджаке. К моему недоумению он даже не носил орденские колодки, в отличие от сотрудников-ветеранов войны.

В том, что он ученый, у меня сомнений не было. Кандидатом исторических наук он стал в июле 1941 года. Монография Б. Г. Гафурова «История таджикского народа в кратком изложении» [Гафуров, 1949] вышла в 1949 году, исправленное и дополненное 3-е издание [Гафуров, 1955], — в 1955-м, а 2 издание [Гафуров, 1952] было защищено им как докторская диссертация в 1952 году. 14 апреля 1951 года Б. Г. Гафуров был избран действительным членом АН Таджикской ССР. Членом-корреспондентом АН СССР он стал в 1958-м, академиком АН СССР — в 1968-м.

Много позднее мне стало известно об интересном примере неформального интереса партийного руководителя к востоковедению. 11 мая 1950 года первый секретарь ЦК КП Таджикистана направил письмо на имя секретаря

ЦК КПСС Г. М. Маленкова, бывшего вторым человеком в партии и также заместителем Председателя Совета министров СССР. В письме, в частности, говорилось: «Победа национально-освободительного движения в Китае с каждым днем оказывает все большее влияние на все страны Востока... Влияние революционного Китая особенно сказывается на положении в Индии и Пакистане. Нет никакого сомнения, что в ближайшее время мы будем свидетелями крупнейших событий в этих странах. Однако мы к этим событиям подготовлены очень плохо... Выпускники Института востоковедения и восточных факультетов плохо знают географию, историю, этнографию восточных стран и современное положение в них. Я считаю, что сейчас крайне необходимо предпринять целый ряд неотложных мер по исправлению создавшегося положения» [*Главы из истории московского...* 2014, с. 245].

Инициатива Гафурова вызвала к жизни обсуждение в ЦК КПСС проблемы подготовки востоковедных кадров. Дело шло неспешно и завершилось постановлением Совета министров СССР от 1 июля 1954 г. о закрытии Московского института востоковедения, и переводе студентов и преподавателей в МГИМО [*Главы из истории московского...* 2014, с. 248]. Нельзя исключить и того, что инициатива Гафурова была связана с известным узкому кругу партийно-государственного руководства СССР болезненным состоянием Сталина и резким падением его работоспособности с февраля 1950 года, что привело к росту реального влияния Маленкова, на которого многие делали ставку уже в 1950-м [Жуков, 2000, с. 544–550]. Обо всем этом можно только догадываться.

Но для догадок имелись основания. В квартире Гафурова на улице Горького (Тверской), в доме, стоящем наискосок от Моссовета, за стеклом серванта виднелась фотография Бободжана Гафуровича и Косыгина, в те годы — главы

правительства СССР. На фото они сидели рядом за низким столиком и о чем-то неспешно беседовали.

ЗНАЧИМЫЕ ВИЗИТЫ И ВАЖНЫЕ ГОСТИ

Вскоре для меня стало очевидным, что Гафуров не только ученый, но и политик крупного масштаба (*Илл. 4, 5, 6*). В своем кабинете он принимал послов восточных стран, из которых чаще бывали министр обороны Ирака Салих Махди Аммах (1924–1983)¹ и посол Индии Дурга Прасад Дхар (1918–1975)². С обоими отношения установились неформальные, это было видно по тому, как радушно встречал их директор на пороге кабинета и как провожал их после долгих разговоров за чашкой чая. Приезжали министры, а однажды Иван Антонович заставил ожидать в приемной Генерального секретаря Фронта национального освобождения (ФНО) Южного Йемена Абдель Фаттах Исмаила, видимо, по его представлениям, слишком молодого и скромного. «Где гость?» — спросил Гафуров. «Там, сидит в приемной», — небрежно ответил Скрыль. «Да вы что!» — воскликнул директор, поспешил к двери, вышел и ласково повел арабского лидера в кабинет.

Всем запомнился приезд жены шаха Ирана, красавицы **Фарах Пехлеви**³, было много журналистов и кинокамер, а несколько посещений Института сестрой шаха почти не привлекли внимания наших сотрудников.

Ближний Восток и Южная Азия постоянно находились в центре внимания Гафурова. Он не раз бывал в Индии, Иране и в арабских странах. Для меня особенно памятным стало его Аравийское турне в 1974 году. Годом ранее Гафуров стал уделять больше времени проблемам нефти, осенью 73-го следил за перипетиями нефтяного эмбарго арабских стран и реакцией США. Помню, я принес Бободжану Гафуровичу карту Аравийского полуострова, и он долго с крас-

1 Посол в СССР в 1980–1983 гг. — *Ред.*

2 Посол в СССР в 1969–1975 гг. — *Ред.*

3 См. о ней в этом же номере материал [Раванди-Фадан, 2021]. — *Ред.*

Илл. 4. Б. Г. Гафуров на встречах с премьер-министром Индии Индирой Ганди (1966–1977, 1980–1984) и с сестрой премьер-министра Индии Джавахарлала Неру (1947–1964) Лакшми Пандит
Из архива Института востоковедения РАН, Москва

Илл. 5. Б. Г. Гафуров на встрече с вице-премьером Бангладеш
Из архива Института востоковедения РАН, Москва

Илл. 6. Б. Г. Гафуров на встрече с главным редактором армянской биографической энциклопедии «Parseh TUĞLACIYAN», 1976 г.
Из архива Института востоковедения РАН, Москва

ным карандашом в руке разглядывал пути транспортировки аравийской нефти через Ормузский и Баб-эль-Мандебский проливы.

Конечно, я многого не знал и не мог знать, но телефонные звонки, деловые бумаги, отправляемые по определенным адресам, справки, составляемые по указанию директора, кое о чем давали представление. Политико-разведывательная поездка Гафурова в Аравию, санкционированная на уровне Политбюро ЦК КПСС, с посещением официальных лиц в Кувейте, Южном Йемене и Саудовской Аравии стала своего рода прорывом. Ведь эта часть арабского мира была закрыта для СССР из-за недоверия монархических правителей исламских государств, а также их тесных связей с США. Сопровождавший Бободжана Гафуровича замечательный знаток арабского языка Саид Кямилев, в ту пору молодой научный сотрудник, мог бы много рассказать. **Бободжан Гафурович по приезде лишь показал мне золотые часы, полученные им после приема у короля Саудовской Аравии Фейсала.**

НАУКА И ВОЗДУХ СВОБОДЫ В ВОСТОЧНОМ ИЗМЕРЕНИИ

В работе директора политика непротиворечиво сочеталась с наукой. В свое время он, (видимо, не в одиночку) смог убедить президента АН СССР Мстислава Всеволодовича Келдыша отказаться от мысли разделить АН на Академию естественных наук и Академию общественных наук. Гафуров стал влиятельной фигурой в Отделении истории АН СССР. Перед выборами в Академию к нему приезжал не менее влиятельный Исаак Израилевич Минц, и они вдвоем за чашкой чая и рюмкой коньяка что-то обсуждали, мгновенно замолкая, когда я входил с каким-то вопросом.

Стоит вспомнить вклад Гафурова в сохранение востоковедения как особой научной дисциплины. На одном из Всемирных востоковедных конгрессов западные ученые заговорили о том, что пора разделить востоковедение на историю, экономику, филологию и социологию. Именно Гафуров при содействии восточных и западных

коллег, чиновников ЮНЕСКО сумел переломить ход обсуждения и сохранить востоковедение как комплексную научную дисциплину (Илл. 7, 8).

Осенью 1968 года планировалось провести торжества по случаю 150-летия Института востоковедения, ведущего историю от Азиатского музея в Петербурге. Была издана брошюра Ашота Подвокановича Базиянца об истории Института [Базиянец, Кузнецова, Кулагина, 1969], на Монетном дворе выбиты специальные памятные значки, Министерство связи выпустило почтовый конверт с рисунком фасада Института. Готовилось торжественное заседание в Колонном зале и награждение Института орденом, а достойных сотрудников — орденами и медалями. Но в августе 1968 года советские войска вошли в Чехословакию, оборвав попытки реформирования социалистической модели развития. С публичным осуждением этих действий выступили несколько сотрудников нашего Института. Тут уж ни о каком юбилее и речи быть не могло. Директор смягчил административную реакцию, востоковедов-диссидентов осудили в дисциплинарном порядке. Брошюра об истории осталась, а значки, хранившиеся Иваном Антоновичем в потаенном месте, куда-то исчезли.

Тогда я не сознавал, что мне повезло попасть в либеральную по советским меркам среду. Сотрудники позволяли себе разные шалости: вопреки мне рассказывали о выступлении Солженицына в 1966 году в нашем зале, а на моей памяти там устраивались выставки картин авангардистов и выступления С. С. Аверинцева.

Помню, как-то весной я пришел на работу и, поднявшись по лестнице, увидел на входной двери лист бумаги со словами «Ремонт. Вход с черного хода». Я послушно спустился и, обойдя здание Института со двора, поднялся по лестнице. Вскоре я увидел в окно, как во двор заехала «Волга» директора и обогнула клумбу с памятником братьям Лазаревым. Бободжан Гафурович вышел из машины и медленно (он был инвалидом и волочил правую ногу) поднялся по ступеням. Потом он снова спустился по ступе-

Илл. 7. **Б. Г. Гафуров**
и заведующий Отделом
изучения культур ЮНЕСКО
Н. Баммат. Москва, 1973 г.
Из архива Института
востоковедения РАН,
Москва

Илл. 8. **Б. Г. Гафуров,**
директор Института
востоковедения Академии
наук Армянской ССР
О. Г. Инджикян, заведующий
Сектором изучения культур
Центральной Азии ЮНЕСКО
Лев Иванович Мирошников
Из архива Института
востоковедения РАН,
Москва

ням и сел обратно в машину. Через несколько минут Гафуров зашел в кабинет и, вызвав меня, распорядился: «Саша, позовите Орехова». Николай Иванович Орехов, отставной полковник, был заместителем директора по хозяйственной части. Он был нечастым гостем в дирекции и пришел почти тотчас. В спешке он неплотно прикрыл дверь, и я услышал повышенный голос директора (а он редко повышал голос):

— Почему у вас в присутственный день ремонт? Что это вы придумали?

— Да нет никакого ремонта, Бободжан Гафурович, — растерянно отвечал Орехов.

— А почему тогда объявление висит, что вход с черного хода?

— Какое объявление?

— Пойдите и посмотрите!

Потом выяснилось, что это 1 апреля решил пошутить Петр Михайлович Шашитко⁴.

В ИВ проводились научные конференции и дискуссии, иногда с привлечением сотрудников других академических и учебных заведений. Обсуждались проблемы деколонизации и выбора пути странами Востока, движущие силы национально-освободительной борьбы народов Ближнего Востока, развитие государственного капитализма в экономически слабых странах Востока и другие. «Правда, обсуждение некоторых вопросов на Ученом совете Института носило иногда схоластический характер, — отмечали историки ИВ, — доклады изобиловали длинными цитатами, в них подчас отсутствовали собственные выводы и соображения; и не только на докладах, но даже на выборе повесток заседаний сказывалось еще обусловленное культом личности влияние» [Базиянц, Кузнецова, Кулагина, 1969, с. 105]. На моей памяти ситуация менялась: твердокаменные сталинцы держали оборону. В Институте работали, как я сейчас понимаю, молодые люди, закончившие исторический факультет МГУ или МГИМО после 1956 года, свободные от пропагандистских штампов. Они не жонглировали цитатами из

Маркса, Энгельса и Ленина, но заново вдумывались в смысл произведений классиков марксизма. Новое поколение еще работало в марксистской парадигме, но мыслило не схоластически, а творчески. В ходе обсуждений они острее и смелее выдвигали и доказывали самостоятельные точки зрения по вопросам политического развития в странах Востока, их экономического развития и отношений со странами Запада, по проблемам идейной борьбы в восточных обществах. И в этих исследованиях их поддерживал директор.

Академическая жизнь виделась идиллией лишь со стороны. В советской системе контроль за научными учреждениями, в частности, за Институтом востоковедения осуществляли Отдел науки ЦК КПСС и Международный отдел ЦК КПСС. Зав. Отделом науки Трапезников и замзав. Международным отделом Ульяновский недолюбливали Гафурова и придирчиво относились к деятельности Института. Авторитет и широкие связи Бободжана Гафуровича, наряду с дипломатическими талантами и знанием механизма партийно-административной машины, в немалой степени способствовали возникновению **особого статуса для востоковедения**, он создал для Института некий «защитный барьер».

Поэтому, в отличие от советских исследователей западных стран или России-СССР, востоковеды оказались в более свободных условиях, им больше позволялось: «специфика Востока!». Появлялись статьи и книги о госкапитализме как положительном явлении на Востоке, о неприменимости советской модели аграрных преобразований на Востоке, о неоднозначности роли буржуазии или идеологии национализма в современном развитии восточных стран. Конечно, не хватало информации, крайне ограничены были поездки в страны Востока, но живой интерес к делу многое преодолевал. Начиналось формирование нового востоковедения.

Одним из примеров этого стали **работы Нодари Александровича Симония**. Защита его

4 См. о нем главу «Институт и XX съезд КПСС. Смута Мордвинова и Шашитко» [Институт востоковедения РАН... 2018, с. 68–71].

Илл. 9. Бободжан Гафурович Гафуров представляет Институт востоковедения на международном мероприятии
Из архива Института востоковедения РАН, Москва

докторской диссертации по проблемам национально-освободительного движения проходила под грифом «для служебного пользования», потому что автор позволил себе собственные, а не канонические взгляды на наследие Маркса. После выхода в 1975 году книги «Страны Востока: пути развития» [Симония, 1975] появилась резко критическая статья сотрудников влиятельного Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. В Институте заволновались, пошли слухи о грядущих карах вольнодумного автора. Гафуров устроил публичное обсуждение книги с приглашением партийных критиков. Помню это обсуждение. Зал был набит битком. Тогда все сознавали себя участниками общего дела, и Симония был одним из нас. И я, конечно, переживал за своего научного руководителя. Несколько часов продолжалась жаркая дискуссия, жаль, что не осталось ни записи, ни стенограммы. Бободжан Гафурович вел заседание... и как вел! Он определял, кому дать слово, зная, кто как выступит, он подавал реплики, задавал вопросы, негромко, твердо выговаривая слова, заставляя себя слушать и снижая эмоции. Подводя итоги обсуждения, он указал, что автору следует учесть те замечания критиков, которые нельзя

не учесть, но, поскольку книга в целом получила положительную оценку, «мы сделаем ее второе издание». Грянул гром аплодисментов. Хлопали Симонии, но и Гафурову тоже.

Помню, как много времени потратил он на создание Отдела общих проблем социально-экономического развития стран Востока, или ООП. Часто к нему в кабинет стали приходить Георгий Федорович Ким и Олег Константинович Дрейер, и так нередкие посетители. Приходили Нодари Александрович Симония, Людмила Рафаиловна Гордон-Полонская, Владимир Федорович Ли, Алексей Иванович Левковский, Глорий Кузьмич Широков — они-то как раз бывали в дирекции редко, но в Институте пользовались авторитетом и общим уважением. Создание ООП выводило востоковедные исследования на новый уровень.

Однако в самой АН возникли препятствия для создания нового подразделения, прежде всего финансовые. И тут я увидел, как действует опытный игрок в административные игры. В субботу утром позвонил Иван Антонович и вызвал на работу. Это случалось нечасто, и я быстро пришел. Институт был пуст. Вскоре приехал директор и распорядился, чтобы я на-

крыл стол в кабинете. Из небольшой комнаты за кабинетом, загроможденной двумя сейфами, холодильником, столом и шкафом, служившей для Гафурова комнатой отдыха и кладовой, я принес белую скатерть, тарелки и приборы. Появился Иван Антонович с двумя сумками, из которых доносился вкусный запах: там оказались, в частности, куриные котлеты из ресторана поблизости. Я недоумевал, кого ожидаем: министра? Академика? Чрезвычайного и полномочного посла? Но подъехала директорская машина и из нее вышла обычная женщина средних лет. Иван Антонович ласково встретил ее и проводил в кабинет. Это была бухгалтер АН. Таким простым путем, с помощью внимания и уважения Бободжан Гафурович снял возможные препятствия в финансировании нового подразделения Института.

В середине 1970-х годов правительство Армянской ССР добилось решения центральной союзной власти о передаче всего здания по Армянскому переулку, 2 в распоряжение Армянского постпредства (нынешнего посольства). В АН СССР Институту предложили типовое здание школы на окраине Москвы, но Гафуров с этим не согласился. **Используя связи, он добился выделения двух зданий по улице Рождественка, 12, где вот уже более сорока лет и располагается Институт востоковедения.** Библиотека начала переезжать в 1976 году, а весь Институт уже при новом директоре — Примакове.

ГАФУРОВСКАЯ ЭПОХА ЧЕМБЕРЛЕНОВЦЫ

Политик и ученый, Гафуров был еще и просто добрым человеком. Он хлопотал за многих, и многие получали московскую прописку, квартиру или комнату, а по тем временам это было очень трудно. Из Таджикистана ему иногда привозили фрукты, и он почти все раздаривал. Не раз я видел, как зашедший по делу сотрудник выходит из директорского кабинета смущенный и держит в руках то кисть винограда, то сверток с курагой или дыню.

Оказалось, что у Бободжана Гафуровича немалое чувство юмора, и что он даже смешлив. Помню, в мой первый год в дирекции он позвал меня и говорит: «Саша, я иду на заседание в зал, но вы меня вызовите оттуда. Скажите что-нибудь. Минут через десять». Выждал я по часам восемь минут и пошел. Поднялся на сцену под взглядами всего Института, Гафуров ко мне повернулся — а я не знаю, что сказать, врать тогда не умел. «Пора», — выдавил я и сбежал со сцены. Гафуров серьезно, понимающе кивнул и неспешно вышел за мною. Вошел я в дирекцию — звонок. Вхожу в кабинет, а Бободжан Гафурович хохочет: «Пора!.. Саша, что же вы ничего придумать не могли? Пора...».

Осенью 1968 года я получил повестку из военкомата, что послезавтра с вещами... Конечно, сказал Ивану Антоновичу, потом Бободжану Гафуровичу. «Идите, служите». Хотя он мог по вертушке позвонить хоть министру обороны, хоть начальнику Генерального штаба (и я знал, что по просьбе одной матери он так звонил), но он не позвонил. Прошло два года, я вернулся домой день в день, 18 ноября 1970 года. Вечером позвонил Иван Антонович: «Саша, вернулся? Бободжан Гафурович спрашивает, ты завтра можешь выйти на работу?» Откуда они узнали... И на следующий день я поднялся по ступеням Института.

В один из праздников директор пришел в кабинет Гордлевского, где за накрытыми столами собирался Отдел Среднего Востока. И там мы слышали от него анекдот из жизни.

В конце 1920-х годов по всей стране шла коллективизация. Затронула она и Таджикистан. Созданным колхозам давали разные названия, имени Калинина, имени Сталина, имени Клары Цеткин и т. д. Одному колхозу дали название «Наш ответ Чемберлену». Это актуальное по тем временам, но сложное название постепенно упростилось, и колхоз стали называть «имени Чемберлена». Уже в конце 1930-х годов **на одном из съездов колхозников выступал председатель этого колхоза и говорил с трибуны: «Мы, чемберленовцы, обязуемся... и обещаем...».** Его прямо от трибуны и увели.

В советское время такого рода высмеивание советской символики было чревато неприятностями, но Гафуров мог себе это позволить.

Нечасто, но видел я его и сердитым. Так, накануне заседания Ученого совета Гафурову стало известно, что готовится провал диссертации молодого дипломата, только что вернувшегося из Южного Йемена и подготовившего кандидатскую работу по уникальным материалам. Кому-то он со своей темой перешел дорогу. Бободжан Гафурович по трансляции слушал начало заседания совета, а потом отправился туда сам. В ходе обсуждения он взял слово и решительно поддержал работу «молодого и перспективного специалиста, сочетающего практическую и научную деятельность». Стоит ли говорить, что заготовленные кое-кем критические замечания после этого не прозвучали, а Игорь Александрович Мелехов позднее стал чрезвычайным и полномочным послом, доктором наук и профессором МГИМО.

Бободжан Гафурович постоянно поддерживал связи с Таджикистаном. В Институте всегда учились аспиранты из республики, приезжали и простые таджики с просьбами или подарками, а президент АН Таджикистана Мухаммед Сайфитдинович Асимов был частым гостем у нас. Однажды директор позвал в институт ансамбль таджикских артистов, в Москве была Декада таджикской культуры. На концерт собрался полный зал. Во время концерта вдруг один из сотрудников посреди номера встал и вышел из зала — всякое бывает. Но через день вижу, директор утром идет по коридору первого этажа, а навстречу тот самый сотрудник. **«Как вам не стыдно! — громко, подчеркнуто громко обратился к нему Бободжан Гафурович. — Доктор наук! Проявили такое неуважение к людям!»**

Примечательно, что за границей Бободжан Гафурович носил тибетейку, возможно, в качестве знака принадлежности не только к советскому народу, но и к таджикам.

Летом 1977 г. в актовом зале Института, еще в Армянском переулке, состоялась панихида по Бободжану Гафуровичу, заочно, потому что он

скончался на родине, в Таджикистане. И тогда я подумал, что может быть, зная о своей болезни, он и сумел съездить в Аравию и свершить хадж, обязательный для каждого мусульманина...

Народа собралось немного, присутствовали дочь Нелли Гафуровна и вдова Капитолина Александровна. От Института последнее слово сказал Глорий Кузьмич Широков, а от братских институтов — Евгений Максимович Примаков. Не помню его слов, но помню чувство печали и глубокого уважения, выраженное не формально, а искренне, сердечно. Знал ли он тогда, что сменит Гафурова на посту директора?

Так закончилась двадцатилетняя гафуровская эпоха в истории Института.

Гафуров был легендарной личностью. С его именем связано немало мифов и анекдотов, различных изустных историй.

Вот один из немногих рассказов Бободжана Гафуровича, когда вечером все разошлись, мы сидели вдвоем, а домой он не спешил. «Однажды были мы с Келдышем на Памире. И он меня спрашивает: “Скажите, а вам не приходило в голову всю суету оставить и вернуться сюда, в эту красоту и тишину?” Я отвечаю: “Знаете, я уже не могу жить иначе...”».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Базиянц А. П., Кузнецова Н. А., Кулагина Л. М. *Азиатский музей — Институт востоковедения АН СССР (1818–1968)*. М.: Наука, 1969. — 149 с. [Baziyants A. P., Kuznetsova N. A., Kulagina L. M. *Asian Museum — Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR (1818–1968)*. Moscow: Nauka, 1969. — 149 p. (in Russian)].

Гафуров Б. Г. *История таджикского народа в кратком изложении*. Т. 1. *С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г.* Брагинский И. С. (ред.) М.: Госполитиздат, 1949. — 475 с. [Gafurov B. G. *History of the Tajik People in Brief*. Vol. 1. *From Ancient Times to the Great October Socialist*

Revolution of 1917. Braginsky I. S. (Ed.) Moscow: Gospolitizdat, 1949. — 475 p. (in Russian)].

Гафуров Б. Г. *История таджикского народа*. М.: Госполитиздат, 1952. — 488 с. [Gafurov B. G. *History of the Tajik People*. Moscow: Gospolitizdat, 1952. — 488 p. (in Russian)].

Гафуров Б. Г. *История таджикского народа в кратком изложении*. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской Социалистической Революции 1917 года. Изд. 3-е. М.: Госполитиздат, 1955. — 544 с. [Gafurov B. G. *History of the Tajik People in Brief*. Vol. 1. From Ancient Times to the Great October Socialist Revolution of 1917. 3rd Edition. Moscow: Gospolitizdat, 1955. — 544 p. (in Russian)].

Главы из истории московского востоковедения. Лазаревский институт — Московский институт востоковедения — МГИМО. Под ред. академика РАН Торкунова А. В. М.: Аспект Пресс, 2014. — 384 с. [Chapters from the History of Moscow Oriental Studies. Lazarev Institute — Moscow Institute of Oriental Studies — MGIMO. Ed. Torkunov A. V. Moscow: Aspekt Press, 2014. — 384 p. (in Russian)].

Жуков Ю. Н. *Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков*. М.: Терра-Книжный клуб, 2000. — 688 с. [Zhukov Y. N. *Secrets of the Kremlin. Stalin, Molotov, Beria, Malenkov*. Moscow: Terra-Knizhnyy klub, 2000. — 688 p. (in Russian)].

Институт востоковедения РАН. *Прошлое и настоящее. К 200-летию основания*. Авт.-сост. Д. В. Дубровская; отв. ред. В. В. Наумкин. М., 2018 [Portrait of the Institute of Oriental Studies against the Background of Russian History. D. V. Dubrovskaya (comp.), V. V. Naumkin (ed.). Moscow, 2018 (in Russian)].

Раванди-Фадаи Л. М. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2021. Искусство, любовь и драгоценности. Сокровища иранских шахов в балете «Шахерезада». № 3–4. С. [Ravandi-Fadai M. V. Art, Love and Jewels. Treasure of the Iranian Shahs in the “Shahrazad” Ballet. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2021. No. 3–4. Pp. (in Russian)].

Симония Н. А. *Страны Востока: пути развития*. М.: Наука, 1975. — 383 с. [Simonia N. A. *Countries of the East: Ways of Development*. Moscow: Nauka, 1975. — 383 p. (in Russian)].